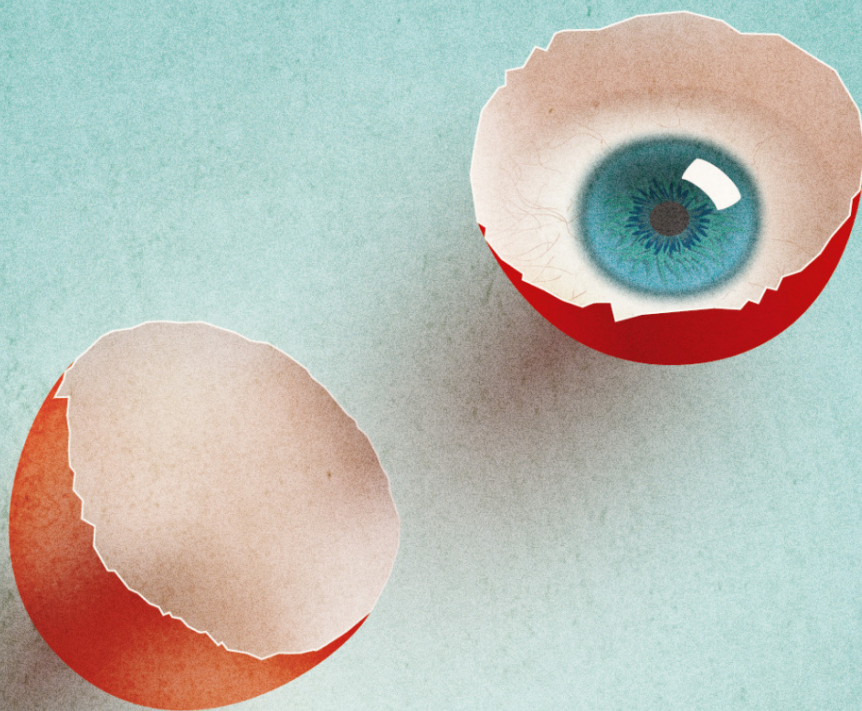

Э Д МАКБЕЙН

87-й
ПОЛИЦЕЙСКИЙ
УЧАСТОК

Кукла

ЛУЧШИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СЕРИАЛ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЖАНРА
THE NEW YORK TIMES

87-й полицейский участок

Эд Макбейн

Кукла

«Феникс»

1965

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84(7Сое)-44

Макбейн Э.

Кукла / Э. Макбейн — «Феникс», 1965 — (87-й полицейский участок)

ISBN 978-5-222-35383-7

Эд Макбейн стал первым американцем, получившим награду «Бриллиантовый кинжал Картье» от Ассоциации детективных писателей Великобритании. «Кукла» – это история красивой жизни и ужасной смерти известной фотомодели...

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-222-35383-7

© Макбейн Э., 1965
© Феникс, 1965

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эд Макбейн Кукла

Ed McBain
Doll

© 1965 by Hui Corporation

© Вуль Н. А., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Феникс», издание на русском языке, оформление, 2021

I

Девочка по имени Энни сидела на полу у самой стены. Она играла с куклой, разговаривала с ней, одновременно прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за тонкой стены. Там находилась мамина спальня. И там ругались – громко, остервенело. Энни пыталась отвлечься от этих голосов, отогнать сжимающий сердечко страх, и потому девочка сосредоточила все свое внимание на кукле. Мужчина в маминой спальне сорвался на крик. Энни старалась не вслушиваться в то, что он орал. Девочка поднесла куклу к своему личику, поцеловала в пластмассовую щеку и продолжила с ней разговор, невольно прислушиваясь к голосам из соседней комнаты.

Там, за стенкой, в этот самый момент убивали ее мать.

Ее мать называли Тинкой – от этого прозвища веяло лоском роскошной жизни. Оно получилось в результате слияния двух имен, данных ей при рождении, – Тины и Карин. Вообще-то Тинка, по всеобщему признанию, считалась красивой женщиной. Ее красоту не испортило бы даже ужасное имя вроде Берты или Брунгильды. Ну а прозвище Тинка лишь усиливало ее привлекательность, будто бы прибавляя ей шарма, создавая флер загадочности и некий авантюрный налет.

Тинка Сакс работала манекенщицей на показах мод.

Да, вне всякого сомнения, она была очень красивой женщиной. Точеное, словно высеченное из мрамора лицо идеально подходило для женщины ее профессии: широкий лоб, выступающие скулы, чувственный рот, благородный нос, чуть раскосые зеленые глаза с искорками янтаря – да, Тинка воистину являлась обладательницей лица древнегреческой богини. Фигура у нее тоже была модельной: гибкое стройное тело, изящные формы, длинные ноги, узкие бедра и аккуратненькая маленькая грудь. Ходила она как на подиуме – корпус идеально прямой, походка от бедра, взгляд устремлен вперед. Даже в маленькой гостиной у себя дома она присаживалась с профессиональной небрежностью модели, в любой момент готовой к фотосессии. Тинка располагалась так, чтобы стена за ее спиной или диван, на который она садилась, наилучшим образом могли подчеркнуть красоту ее наряда, или золотой отлив ее волос, или же очарование зеленых глаз с янтарными искорками. Да, обычно от ее красоты было глаз не оторвать.

Однако сейчас ее вряд ли можно было назвать красавицей.

В ней было трудно разглядеть красавицу, по-скольку мужчина, осыпая ее ругательствами, метался за ней по комнате, гоняя от стены к стене. Наконец он оттеснил ее в узкий проход, зажав между роскошной двуспальной кроватью и туалетным столиком с мраморной столешницей. Мужчина не обращал внимания на рыдания и мольбы Тинки. В руках он сжимал кухонный нож, которым последние три минуты полосовал красавицу.

Поток ругательств, лившийся из уст мужчины, не ослабевал ни на секунду, как и гнев, что овладел им. И то и другое оставались неизменными. Нож раз за разом описывал сверкающую дугу. Казалось, он жил своей жизнью и совершенно не зависел от обилия сквернословий, произносимых мужчиной. Ругательства и нож, словно сообщники, вершащие одно и то же злодеяние, идеальным образом дополняли друг друга. Брызги слюны, срывавшиеся с губ, мешались со струйками крови. Тинка, чувствуя, как лезвие снова и снова вспарывает ее плоть, умоляла своего мучителя остановиться. Она повторяла и повторяла его имя, пытаясь прекратить этот кошмар. Но мужчина не знал пощады. Бесконечно сыплющиеся ругательства, безустанно сверкающий блеск острого как бритва лезвия – все это загнало истекающую кровью Тинку в дальний угол спальни, где красавица задела головой висевший на стене подлинник Шагала. Еще один жуткий взмах ножом, еще одна резаная рана на миниатюрных грудках, идущая параллельно тем, что уже имеются. Лезвие скользит вниз, оставляя кровавый росчерк на

плоском животе, с треском распарывает шелковый пеньюар. Чем ближе мучитель, тем глубже становятся новые раны. Тинка вновь произнесла имя мужчины, она прокричала его. Потом красавица тихо прошептала: «Умоляю» и прислонилась к стене, сбив картину Шагала. Заключенное в раму полотно сорвалось с крючка и, пролетев мимо золотистых волос, жутких ран на горле и груди, изрезанного, пропитанного кровью синего пеньюара, каштановых лобковых волос, грохнулось на пол у ног Тинки, на которых синели атласные тапочки. Задыхаясь, кашляя кровью, красавица упала ничком, налетев лбом на широкую дубовую раму картины. Ее русые локоны окутали буйство красок Шагала будто бы золотистой дымкой. Еще один удар ножом в горло – и картину залил поток крови. Теперь золотистые волосы плавали в ней словно в луже. Через некоторое время кровь перелилась через край рамы и хлынула на ковер.

Энни тихо сидела за стенкой, судорожно вцепившись в куклу.

Девочка прошептала на ухо своей игрушке что-то ободряющее и тут же с ужасом застыла, услышав, как дверь спальни отворилась, а из коридора донеслись шаги. Она сидела, затаив дыхание, пока не хлопнула входная дверь в квартиру.

Энни так и сидела в спальне, вцепившись в куклу, до самого утра. Именно в такой позе ее обнаружил управдом, явившийся поменять прокладку в кране, на который накануне жаловалась миссис Сакс.

* * *

Апрель – это четвертый по счету месяц в году.

Об этом крайне важно помнить, особенно если вы полицейский. В противном случае может получиться небольшая путаница.

Причинами этой путаницы являются отчасти усталость, отчасти скука и монотонность работы, а отчасти – чувство отвращения к происходящему. Усталость – всегда с тобой, она твой вечный спутник, к которому за годы службы в полиции удастся привыкнуть. Ты прекрасно знаешь, что департамент полиции не признает ни суббот с воскресеньями, ни официальных праздников. Ты морально готов заступить на дежурство даже в рождественское утро – ведь какой-нибудь сорвиголова может учудить нечто эдакое даже в праздничный день. За примерами далеко ходить не надо – достаточно вспомнить генерала Джорджа Вашингтона, утершего нос ничего не подозревавшим пьяным гессенским наемникам. Ты прекрасно знаешь, что детективы работают по скользкому графику и потому приспособились вставать с постели ни свет ни заря. Ты привык недосыпать. Однако тебя никогда не оставляет постоянное чувство усталости. А что делать? Преступников много, полицейских мало и времени вечно не хватает. А когда случается выходной, ты не можешь полноценно посвятить его жене и детям, потому что вымотан до предела. Господи, ну что ж это за жизнь – сплошная работа и ни секунды покоя!

Еще одной проблемой является скука, которая тоже приводит к путанице. Что может быть интереснее охоты на преступников? Конечно же, это самое увлекательное занятие – любой подтвердит. Почему же тогда детективов одолевает смертная тоска? Да потому, что приходится печатать рапорты с протоколами в трех экземплярах, ходить вперед-назад по городу и допрашивать старушек в домашних платицах в цветочек, долгие часы просиживать в квартирах, пропахших смертью. Ну а сама работа детектива? В ней так мало места творчеству – любая процедура расписана в малейших подробностях, отчего следственные мероприятия начинают напоминать некий ритуал вроде корриды. Привыкаешь даже к перестрелкам в темных переулках, и они начинают навевать скуку, словно официальные запросы в архивный отдел. А скука сбивает с толку. Она идет рука об руку с усталостью, и ты порой не можешь вспомнить, какой сейчас месяц или день недели.

Отвращение овладевает тобой, только если ты сохранил человечность. А это удастся далеко не всем полицейским. Но если тебе повезло, то в какой-то момент тебя начинает воро-

тить от того, что способны сотворить другие люди. Ты понимаешь, что можно соврать, – поскольку и сам порой кривишь душой. Без лжи иногда нельзя обойтись – она сильно упрощает жизнь, которая обернулась бы сущим кошмаром, начни все говорить одну правду. Ты понимаешь, что можно украсть, – в детстве сам таскал карандаши из школьной кладовой, а однажды свистнул модельку самолета из магазина игрушек. Ты даже понимаешь, что можно лишить человека жизни, поскольку где-то там, в потаенных глубинах твоего сердца чернеет ненависть, способная толкнуть на убийство. Да, все это можно понять, и тем не менее тебя обуревают чувство отвращения, когда приходится изо дня в день по долгу службы сталкиваться с этими пороками. Ты постоянно имеешь дело с прирожденными врунами, ворами, грабителями и душегубами. По восемь, по двенадцать, а то и по тридцать шесть часов кряду сидишь в участке или едешь по вызовам. И все это время тебе кажется, что мир позабыл, что такое человечность. Ну один труп, ну два – с этим можно смириться, ведь смерть – неотъемлемая часть жизни. Но если из этих тел образуется целая куча, тебя переполняет чувство отвращения, которое приводит к еще большей путанице. И если ты дошел до такого состояния, что не можешь отличить одно залитое кровью лицо от другого и начинает казаться, что все трупы выглядят одинаково, то тебе уже все едино – апрель на дворе или октябрь.

А на дворе стоял апрель.

Очаровательная женщина была мертва. Она лежала лицом на залитой кровью картине Шагала. Эксперты рассыпали дактилоскопический порошок в надежде, что им удастся снять отпечатки пальцев, пылесосили ковер, рассчитывая обнаружить в пыли волосы или остатки тканей. Они уже убрали в пакет для дальнейших исследований нож, обнаруженный в коридоре прямо у дверей спальни. Забрали и принадлежавшую убитой плоскую дамскую сумочку, в которой, казалось, нашлось место буквально всему, кроме денег.

Закончив делать записи в блокноте, детектив Стив Карелла вышел из спальни в коридор и направился в соседнюю комнату. Там на стуле сидела девочка. Стул был таким высоким, что ее ноги не доставали до пола. На коленях у малышки лежала кукла. Девочку звали Энни Сакс – это Карелла узнал от патрульного, когда приехал на место преступления. Стивену показалось, что кукла просто гигантских размеров – чуть ли не с саму девочку.

– Привет! – сказал он Энни, и ему стало не по себе.

Карелла устал – он как уехал из дома в четверг утром, так больше там не появлялся. Ему было тоскливо из-за предстоящего допроса со стандартным набором вопросов. А еще он чувствовал себя паскудно, поскольку допрашивать предстояло маленькую девочку, в то время как за стенкой лежал обезображенный труп ее матери. Детектив попытался выдавить из себя улыбку. Получилось у него не очень. Девочка ничего на это не сказала, она лишь тарашилась на Кареллу огромными глазами. У Энни были длинные каштановые ресницы, а нос – совсем как у матери. Девчушка поджала губы, стойчески решив молчать. При этом она, не моргая, смотрела на Кареллу.

– Тебя ведь Энни зовут, я ничего не путаю? – спросил Карелла.

Девочка кивнула.

– А знаешь, как меня зовут?

– Нет. – Энни чуть качнула головой.

– Стив.

Малышка снова кивнула.

– А у меня дочка есть, – доверительно сообщил ей Стивен. – У меня близняшки. Моим детям примерно столько же лет, сколько и тебе. Вот тебе сколько лет?

– Пять.

– Вот, – удовлетворенно кивнул детектив, – получается, что вы с моей дочкой одного возраста.

– Угу, – отозвалась Энни. Она помолчала, а потом спросила: – Маму убили?

- Да, солнышко, – вздохнул Стивен, – да.
- Я побоялась сходить и посмотреть на нее.
- Ну и правильно, – поддержал ее Карелла, – не надо на такое смотреть.
- Ее ведь убили прошлым вечером? – спросила Энни.
- Да.

В комнате воцарилась тишина.

За стеной слышались приглушенные голоса – полицейский фотограф о чем-то переговаривался с судмедэкспертом. С жужжанием билась о стекло проснувшаяся в апреле муха. Стивен посмотрел на девочку, внимательно следившую за ним.

– Простым вечером ты была здесь? – спросил он.

– Угу.

– А где именно?

– Прямо тут. В своей комнате. – Девочка погладила куклу по щеке, а потом, поглядев на Кареллу, спросила: – А что такое близняшки?

– Это детки, которые появляются на свет вместе, в одно и то же время.

– А-а-а... – понимающе протянула Энни. Она не сводила взгляда с детектива. Глаза на маленьком бледном личике казались просто огромными. Наконец она решительно сказала: – Это сделал дядя.

– Какой дядя? – чуть сдвинул брови Карелла.

– Который был у нее.

– У кого? – не понял полицейский.

– У мамы. Он был у нее в комнате.

– И что это за дядя? – Стивен подался вперед.

– Не знаю.

– Ты его видела?

– Нет. – Энни помотала головой. – Когда он к нам пришел, я играла с Болтушкой.

– А кто такая Болтушка? Твоя подружка?

– Нет, это моя кукла. – Девочка выставила вперед куклу и хихикнула. Карелле страшно захотелось схватить Энни, прижать к себе и сказать, что все в порядке, мама жива, а острого как бритва ножа и убийцы просто не существует.

– И когда пришел этот дядя? – мягко спросил Карелла. – Ты можешь это вспомнить, солнышко?

– Когда пришел – не знаю. – Девочка пожала плечами. – Я знаю, только когда часы показывают семь и двенадцать, а больше – ничего.

– Хм... На улице уже было темно?

– Да. Он пришел после ужина.

– Дядя пришел к маме после ужина – я тебя правильно понял? – уточнил Карелла.

– Да.

– То есть это был мамин знакомый?

– Ну конечно. Когда он пришел к нам в первый раз, мама все время смеялась и вообще была очень веселой.

– Ясно. – Карелла потер подбородок. – Что случилось после того, как вчера вечером пришел дядя?

– Не знаю, – Энни снова пожала плечами, – я сидела в этой комнате и играла.

Снова повисло молчание.

Слезы навернулись на глаза девочки внезапно, при том что ее лицо совершенно не изменилось. У Энни не дрожали губы, девочка не морщила личико – просто вдруг ее глаза наполнились слезами, которые мгновение спустя заструились по щекам. Девочка сидела неподвижно, словно высеченная из камня, и беззвучно плакала, а Карелла стоял перед ней, понурившись,

осознавая беспредельную степень своего бессилия, – он, крепкий, здоровый мужчина, неожиданно оказался совершенно беспомощен перед лицом безутешного горя ребенка.

Он протянул ей платок.

Девочка взяла его, не сказав ни слова, и высморкалась, но слез вытирать не стала.

– Спасибо. – Энни вернула платок детективу, а слезы все струились по ее щекам, и не было им ни конца ни края. – Он бил ее, – наконец сказала девочка, обхватив куклу ручонками, – я слышала, как она плакала, но боялась к ней идти. И я... я заставила себя поверить, что ничего не слышу. А потом... Потом я и правда перестала слышать. Я просто разговаривала с Болтушкой, вот и все. Потому я и не слышала, что он делает с мамой в соседней комнате.

– Я все понял, золотце, – кивнул Карелла и поманил рукой патрульного, стоявшего в дверях. Когда тот подошел, детектив спросил его шепотом: – А где ее отец? Его поставили в известность о случившемся?

– Ну-у... – протянул патрульный, – я даже не знаю. – Он повернулся и заорал на всю квартиру: – Кто-нибудь в курсе – с мужем уже связались?

Следователь из убойного отдела, стоявший рядом с одним из судмедэкспертов, оторвал взгляд от блокнота, который держал в руке, и ответил:

– Муж в Аризоне. Они развелись три года назад.

* * *

Вообще-то лейтенант Питер Бернс слыл человеком терпеливым и понимающим, однако в последнее время Берт Клинг вел себя так, что срывался даже Бернс. Да, в силу того, что Бернс являлся человеком терпеливым и понимающим, он осознавал, чем вызвано поведение Клинга, но это ничего, по существу, не меняло. Работать бок о бок с Клином становилось все тяжелее и тяжелее. Бернс никогда не отрицал, что психология играет немаловажную роль в полицейской работе. Она помогала понять, что никаких злодеев на свете нет, есть лишь неуравновешенные люди. Объясняла мотивы их поступков, вместо того чтобы огульно осуждать. Таким образом, психология кажется очень полезной в полицейской работе штукой, вплоть до того момента, пока не получаешь ночью удар между ног от какого-нибудь мелкого воришки. После такого сложно объяснить самому себе, что этот воришка – несчастный, обиженный жизнью человек, у которого было тяжелое детство. По сути дела, примерно такие же чувства испытывал Бернс по отношению к Клину. С одной стороны, он прекрасно понимал, что за психологическая травма стала причиной невыносимого поведения Берта, а с другой стороны, ему все сильнее хотелось избавиться от него, отправив на все четыре стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.